

В.А. БАЖАНОВ

ИДЕЯ НЕЙРОСОЦИОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ МЫСЛИ

БАЖАНОВ Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Ульяновского государственного университета, ведущий научный сотрудник Томского государственного университета, Ульяновск, Россия (vbazhanov@yandex.ru).

Аннотация. В статье показано, что развитие когнитивных исследований и нейронауки в последние годы ведет к формированию нейросоциологии, в которой на материале социума реализуется кантианская исследовательская программа: при анализе механизмов развития и особенностей различных обществ и социально-культурных образований при определенных условиях необходимо учитывать влияние и/или корреляцию с некоторыми особенностями нейроструктур, которые видоизменяются в зависимости от социально-культурных характеристик конкретных обществ. Таким образом, согласно духу (не букве) кантовского априоризма социальное познание в определенной степени предзадается особенностями (онтогенетического и/или деятельностного) формирования нейробиологических образований, – свидетельство усиления натуралистических тенденций в социальной мысли. Вводится представление о социальном психологизме, которое обобщает когнитивные аспекты, определяемые эпигенетическими особенностями конкретных социальных общностей.

Ключевые слова: нейронаука • нейросоциология • исследовательская программа • индивидуалистские и коллективистские общества • жестко организованные и мягко организованные общества

Человек склонен описывать периоды своего интеллектуального развития метафорами, относящимися к науке: XX в. может быть назван атомным веком, рубеж XX и XXI вв. описывается торжеством информационных технологий, а XXI в. имеет все шансы стать столетием когнитивной науки и точнее – столетием нейронауки. Предпосылки к этому имелись в конце XX в., когда президент и сенат США объявили 1990-е гг. годами изучения мозга. Прогресс нейронауки был настолько впечатляющим, что Европейский Союз (ЕС) и США запустили широкомасштабные и дерзкие по замыслу программы исследования мозга. В ЕС такого рода программа действует примерно с 2007 г.¹, в 2013 г. президент США объявил об аналогичной государственной программе². Если учитывать поддержку частных фондов и компаний, общая сумма финансирования в ЕС и США ныне достигает внушительных цифр по два миллиарда евро и долларов в год. В 2014 г. Нобелевская премия по физиологии присуждена за открытие клеток навигационной системы мозга. Обнаружено, что способность человека ориентироваться в пространстве оказывается предзаданной на нейрофизиологическом уровне онтогенетическими особенностями мозга. Открытия зеркальных нейронов, универсального для всех более или менее развитых живых существ явления субитации (симультанного считывания, восприятия небольших количеств предметов), феномена взаимообусловленности нейроструктур и социально-культурных факторов

При поддержке РФНФ, грант № 16-03-00117а.

¹European Commission. Brain Human Project. URL: <https://www.humanbrainproject.eu> (дата обращения: 17.09.2016).

²White House Brain Initiative 2013. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/04/02/fact-sheet-brain-initiative>; <http://www.wsj.com/articles/SB10001424127887324100904578404580119306900> (дата обращения: 17.09.2016).

и другие яркие достижения нейронауки позволяют утверждать, что мы вступили в период развертывания социально-культурной революции в когнитивных исследованиях и становления социально-культурной нейронауки [Фаликман, Коул, 2014]. Хотя первые шаги этой революции лишь затрагивают социально-политические реалии и проблемы, но уже можно утверждать, что она проливает существенно новый свет на причины и особенности тех или иных социально-политических процессов. Впрочем, классики социологии – Э. Дюркгейм, К. Мангейм, Дж. Мид – склонялись к идее, что человеческий разум миллионами нитей связан с особенностями социальной организации и отражает их. Впрочем, долгое время социологи трактовали “биологическое” и “социальное” как антиподы, свойства, существующие как бы в параллельных плоскостях и не имеющие отношения друг к другу, придерживаясь выраженных антинатуралистических позиций. Между тем прогресс нейронауки однозначно показывает их имманентную связь и взаимообусловленность: социально-культурные факторы детерминируют особенности функционирования мозга, а в свою очередь мозг некоторым образом предопределяет “конфигурации” данных факторов: “биологическое” и “социальное” оказываются тесно переплетенными и активно взаимодействующими, как бы переливающимися друг в друга. Это настоятельно наводит на мысль, что вслед за некоторыми дисциплинами, анализирующими общество и человека, которые испытывают очевидный натуралистический поворот (прежде всего психология и философия), в него вовлекается и социология. Впрочем, определенные элементы натурализма имелись и у провозвестника социологии – О. Конта.

“Биологическое” и “социальное” – не антиподы по своей природе, а те полюса реальности, которые до некоторого момента изучались как обособленные сущности, тогда как на самом деле они составляют некую целостность, контуры которой стали вырисовываться в последние годы.

Феномен натурализации социологии может быть осмыслен как продолжение **кантианской исследовательской программы** изучения различных форм активности сознания на уровне индивидуума, социальных групп и общества, которые обусловлены в конечном счете нейробиологическими структурами и особенностями их функционирования. Ведущие представители современной нейронауки именно таким образом – как продолжение реализации кантианской программы – оценивают смысл и стратегические замыслы своих исследований [Gallistel, Gelman, 1992: 44; Dehaene, Brannon, 2010: 517]. Само собой разумеется, что здесь имеется в виду дух, а не буква этой программы, причем данная программа носит выраженный трансдисциплинарный характер, поскольку в ней непосредственно задействуются идеи и совмещаются методы самых различных разделов науки – физики, математики, биологии, генетики, психологии, лингвистики, философии, социологии и других дисциплин.

Смысл кантианской исследовательской программы в данном случае в том, что онтогенетически заданные, деятельностно и культурно сформированные нейроструктуры в некоторой степени предопределяют специфику социального познания и процессов социальной активности (впрочем, имеет место и обратный эффект), являются в силу их, так сказать, онтологического характера, априорными, т.е. предзаданными и для познания социальной реальности, и для конкретной деятельности в ткани этой реальности. Именно такого рода установки фактически лежат в основаниях нейросоциологии и близкой по своему содержанию социальной (когнитивной) нейронауки [Franks, 2010; Franks, Turner, 2013; Emery, Easton, 2016]. В области нейросоциологии происходит переплетение разных видов редукционизма (методологического, эпистемического и онтологического) и своего рода холистического подхода, которые делают акцент на анализе свойств квалии (сенсорных качествах сознания) [Franks, 2013: 108].

Индивидуалистические versus коллективистские общества. В обществах и культурах, которые принято считать *коллективистскими* (к ним обычно относят восточные культуры), преобладают индивиды с короткими генными аллелями типа 5-HTT. У членов таких обществ наблюдается большее содержание серотонина, оно считается

веществом, отвечающим за поддержание социальной иерархии. Они в меньшей степени склонны к выражению тревог и депрессиям благодаря доминированию коллективистских ценностей, которые в данном случае способствуют смягчению генотипически восприимчивым населением последствий воздействия разного рода рисков аффективного поведения и психических нарушений [Chiao et al., 2010: 359]. Для коллективистских обществ характерно социальное познание холистического типа [Sfera, Osorio, 2014]. Это означает, что члены этого общества в когнитивной активности прежде руководствуются контекстом явления, обращая внимание на конкретные вещи во вторую очередь. Они препарируют реальность под углом зрения соотношения части и целого (А есть часть В).

Представители западных, считающиеся *индивидуалистскими* культурами, генетически – в смысле преобладающих композиций генома – предрасположены к выраженным проявлениям более высокого уровня тревожности, депрессивных состояний и других форм психических аномалий. Для индивидуалистских обществ характерно социальное познание аналитического типа; члены этого общества в когнитивной активности прежде всего обращают внимание на *конкретные вещи*, а контекст явления отступает на задний план. Они препарируют реальность под углом зрения соотношения рода и вида (А и В суть С).

С нейробиологической точки зрения здесь имеется в виду работа генетических механизмов приобретения и адаптации социально-культурного опыта путем задания общих принципов построения и настройки нейронных контуров, а в социально-культурном аспекте – глубинной фундированности соответствующих практик (нейро)физиологической организацией человеческого организма и, в первую очередь, его мозга. Здесь имеет место многоступенчатый процесс трансформации переменных эпигенетических особенностей человека в социальные и обратно. Многообразие эпигенетического ландшафта, которое характеризует когнитивный потенциал дифференцированных социальных групп-носителей разных генофондов, позволяет анализировать реализацию этого потенциала на уровне конкретных субъектов (социального) познания.

Культура задает угол зрения, ракурс обработки информации, поступающей в мозг от некоторого одного предмета, и, более того, в какой-то мере и выделение самого предмета (имея в виду фон, контекст его “существования”) задается этим ракурсом. В результате у носителей разных культур активизируются разные участки мозга: у европейцев это преимущественно затылочно-височные отделы коры мозга, ответственные за выделение отдельных объектов, а у представителей Восточной Азии – так называемая парагиппокампальная извилина, которая прежде всего обрабатывает контекст (фон), на котором находится объект. У восточных народов нейронные сети более активны в районах мозга, которые связаны со взаимодействием с другими носителями сознания и эмоциональной сферой, а у западных – в районах мозга, которые осуществляют функции самоописания и процессуальной эмоциональной реакции, относящейся к продолжающейся социальной деятельности [Han, Ma, 2014: 298].

Склонность к индивидуалистской или коллективистской культуре, вообще говоря, закладывается на нейробиологическом уровне [Chiao et al., 2013: 7] и в языке выражается посредством тех или иных метафорических средств, которые формируются в эпигенезе в контексте доминирующих видов деятельности [Lakoff, 2012: 17]. Иначе говоря, в индивидуалистских и коллективистских обществах приняты и действуют различные социальные нормы.

Жестко организованные versus мягко организованные общества. Жестко организованные и мягко организованные общества, нации (*tightness and looseness nations*) заметно отличаются характером социальных норм, которые в них приняты и поддерживают социальный порядок.

Жестко организованные общества заставляют своих членов строго следовать явным (зафиксированным, например, в законах) и неявным нормам поведения. Мягко

организованные общества достаточно терпимы к нарушениям такого рода норм. Исследование пятидесяти тысяч людей почти тридцати наций показало, что в обществах первого типа доминируют носители коротких S-аллелей (переносчик серотонина 5-HTTLPR, связанный с геном SLC6A4), особенно если члены этого общества периодически подвергаются повышенной экологической и военной опасности ввиду территориальных споров, в которых существуют демографические проблемы и дефицит минеральных ресурсов, часты эпидемии. У них присутствует обостренное чувство опасности, заставляющее оперативнo и кооперативно пресекать возможные негативные последствия. В обществах мягкой организации с более свободными социальными нормами, в которых указанные проблемы сглажены, не столь остро и регулярно выражены, доминируют члены с длинными L-аллелями [Chiao et al., 2013: 5–6]. Здесь люди оказываются более договороспособными и открытыми для нововведений и рискованных действий, обусловленных не столь обостренным чувством угрозы со стороны потенциальных опасностей [Chiao, Blizinsky, 2009: 9].

На шкале “индивидуализм” – “коллективизм” максимальный удельный вес S-аллелей наблюдался у жителей Китая, Кореи и юго-восточной Азии, а минимальный – у жителей Австралии, Великобритании и США. Россия на этой шкале занимает промежуточное место, – ближе к Китаю, чем к США [Chiao, Bebko, 2011: 22].

В коллективистских странах, тяготеющих к жесткой социальной организации, представление о счастье обычно связано с факторами социального характера; здесь люди ощущают себя более успешными по сравнению с обществами индивидуалистского типа. Мотивы достижения счастливой жизни обратно пропорциональны уровню благосостояния в США, нейтральны в Германии, но прямо пропорциональны в России и в Юго-Восточной Азии [Ford et al., 2015]. Впрочем, по новейшим данным ООН, из 106 государств наиболее счастливыми в 2013–2015 гг. ощущали себя граждане Дании, Швейцарии, Исландии, Норвегии и Финляндии, стран с выраженной индивидуалистической культурой; наименее – жители Гондураса, Ирана и Замбии. Россия находится на 56 месте, рядом с Польшей и Молдовой в срединной части списка государств [World Happiness Report, 2016: 20–21].

Жители коллективистских стран с жесткой организацией или эмигранты из этих стран, проживая в странах индивидуалистических, менее охотно обращаются к легальной (формальной) поддержке окружения своего социума, полагаясь больше на их неформальную поддержку. Так, по сравнению с гражданами США, предки которых когда-то имели европейское и/или азиатское происхождение, жители азиатских стран или люди, которые родились в Азии, но натурализовались в США, склонны к такому модусу поведения [Kim, Sasaki, 2014: 502]. Это наводит на мысль, что именно социально-культурные ценности, а не собственно этническое происхождение в значительной степени определяют модус поведения в социуме, равно как и сознательную самоидентичность и форматы самовыражения этой идентичности [Chiao, Immordino-Yang, 2013: 60].

Между тем биохимические процессы в мозге, связанные с динамикой серотонина, которые стимулируются социально-культурными факторами, проявляются в подавлении эмоций (особенно у жителей Восточной Азии), в большей степени религиозности и в удовлетворенности жизнью [Chiao et al., 2013: 12]. Уровень серотонина (5-HTT) положительно коррелирует с чувствительностью к социальным явлениям и в общих чертах определяет “градус” как социальной, так и асоциальной активности [Raine, 2008; Kiser et al., 2012]. Аналогичные эффекты в смысле генерации и/или подавления эмоций связаны с уровнем окситоцина (см.: [Шкурко, 2011]) от агрессивного и сексуального поведения до открытости к сотрудничеству и желания ухаживать за престарелыми людьми [Kim, Sasaki, 2014: 496; Campbell, 2010].

Возникновению болезни Альцгеймера способствует не только дефицит интеллектуальной активности индивида. Важным фактором отмирания клеток мозга, с которым сопряжена болезнь и прогрессирующее сенильное слабоумие, является чувство

одиночества, потеря привычного социального окружения, переход в модус в буквальном смысле автономного существования [Cacioppo, Decety, 2011: 166; Norman et al., 2013: 75–76].

Консервативные versus либеральные сообщества. Нейронаука обнаружила, что мера социально-политической активности скоррелирована с активностью некоторых генов (в первую очередь с генами MAOA и 5HHT), которые связаны с регуляцией чувства страха и борьбой со стрессами. Обладатели определенных генов, демпфирующих чувство страха, склонны к поиску нового и ассимиляции нового, исследовательской деятельности и зачастую к нетривиальным решениям. Большой удельный вес серого вещества в правой миндалине, как правило, характеризует человека с консервативными взглядами, а в передней части поясной извилины мозга – с либеральным настроением [Kanai, Feilden, Firth, Rees 2011: 678].

Консервативно настроенные люди воспринимают мир как полный опасностей и рисков, ситуации неопределенности и сложных комбинаций некомфортны для них. Им нужна определенность в будущем, в котором потенциальные опасности сведены до минимума. Они склонны возлагать свои неудачи на силы, непосредственно с ними не связанные. Неслучайно акцент на консервативных настроениях может эффективно работать на процессах консолидации тех или иных социальных общностей, особенно в выборных кампаниях. Религиозность является своего рода расширением консервативности в том смысле, что позволяет минимизировать неопределенность будущего, обещает более простую картину мира и более безопасное существование в среде своих единомышленников.

Либералы существенно более терпимы к ситуациям неопределенности, они с меньшим сопротивлением воспринимают изменения, которые касаются их привычного образа жизни и не столь остро реагируют на потенциальные опасности [Jost, Amodio, 2012: 58–59].

Впрочем, грань между консерваторами и либералами подвижна. Так, после трагедии в сентябре 2001 г. в США, когда террористы уничтожили здания Торгового центра и погибло почти три тысячи людей, среди выживших количество консервативно настроенных лиц выросло в три раза по сравнению с периодом, который предшествовал трагедии [Nail, Gregor, 2009: 902]. Активность нейроструктур при этом также претерпела изменения, поскольку социально-политические мотивы могут заменять и вытеснять проявления поведения и менталитета, которые онтогенетически запрограммированы [Soroka, MacAdams, 2015: 18].

Биохимические процессы в мозге запускают в действие определенные психологические изменения и социальные механизмы. И в то же время социально-культурная атмосфера в свою очередь запускает биохимические процессы в мозге, который благодаря своей пластичности может активно перестраивать свои нейроструктуры и архитектуру связей между теми или иными модульными конфигурациями в рамках этих нейроструктур. Эта ситуация может быть описана в виде образа улицы с двусторонним движением, а пластичность мозга – в виде конструктора Лего, который позволяет сложить бесчисленное множество различных мозаичных образований с помощью сравнительно небольшого количества стандартных элементов. Все эти заключения подтверждаются широкомасштабными исследованиями более десяти тысяч близнецовых пар в десятках стран [Natemi et al., 2015: 244].

Особенности социальной организации коррелируют и с размером мозга. Р. Данбар заметил, что феномены моногамных парных брачных и дружеских отношений наблюдаются только у живых существ с увеличенным объемом мозга и особенно неокортекса [Dunbar, 2009a: 1121]. Сложная социальная организация, предполагающая дифференциацию окружения на близких друзей и заклятых врагов, возможна только в условиях большого мозга и неокортекса, что позволяет говорить о “социальном мозге”. Эта организация накладывает жесткие требования к величине и структуре мозга и его когнитивному потенциалу. По-видимому, имеются и ограничения на множество

прочных дружеских связей – оно оказывается порядка 150 человек [Dunbar, 2009b: 563]. Это число принято называть “числом Данбара”.

По всей видимости формирование “социального мозга” происходило по мере перехода от перцептивных возможностей человека на уровне ощущения и восприятия к дискурсивным, связанным с построениями достаточно сложных и многосоставных цепочек рассуждений, когда какие-то отдельные фрагменты этих цепочек (промежуточные компоненты рассуждений) могли носить неявный характер, подразумевались, т.е. достигали уровня эпихейрем (сокращенный силлогизм, в котором обе посылки представляют собой энтимемы. Эпихейрема это полисиллогизм, состоящий из энтимем. – *Прим. ред.*) – если использовать подходящий в данном случае термин формальной логики. Уровень оперирования абстрактными понятиями, обобщающими группы однородных в каком-то отношении предметов, запустил лавинообразный процесс совершенствования “социального мозга”.

Один из видных исследователей мозга озаглавил свою книгу так: “Мы – это наш мозг” [Swaab, 2014]. Думается, что верно и обратное утверждение: “Наш мозг – это мы”. Мы – сформированные нашей динамической изменяющейся культурой и развивающимся социумом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Свааб Д. Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. [Swaab D. (2014) *Мы – это наш мозг: От матки до Альцгеймера* [We is Our Brain: From Uterus to Alzheimer Disease]. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha. (In Russ.)]
- Фаликман М.В., Коул М. “Культурная революция” в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 4–18. [Falikman M.V., Cole M. (2014) “Kul'turnaya revolyutsiya” v kognitivnoy nauke: ot neyronnoy plastichnosti do geneticheskikh mekhanizmov priobreteniya kul'turnogo opyta [“Cultural Revolution” in Cognitive Science: From Neuron Pliability to Genetic Mechanisms of Gaining Cultural Experience]. *Kul'turno-istoricheskaja psihologija* [Cultural and historical psychology]. 2014. Vol. 10. No. 3: 4–18. (In Russ.)]
- Шкурко А.В. На пути к нейросоциологии // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 13–22. [Shkurko A.V. (2011) On the way to neurosociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 13–22. (In Russ.)]
- Cacioppo J.T., Decety J. Challenges and Opportunities in Social Neuroscience // Annual Ney York Academy of Science. 2011. Vol. 124(1). P. 162–173.
- Campbell A. Oxytocin and Human Social Behavior // Personality and Psychology Review. 2010. Vol. 14. P. 281–295.
- Chiao J.Y., Bebkco G.M. Cultural Neuroscience of Social Cognition // Culture and Neural Frames of Cognition and Communication /Ed. by S. Han, E. Poppel. Berlin: Heidelberg: Springer, 2011. P. 19–39.
- Chiao J.Y., Cheon B.K., Pornpattanakul N., Mrazek A.J., Blizinsky K.D. Cultural Neuroscience: Progress and Promise // Psychological Inquiry. 2013. Vol. 24(1). P. 1–19.
- Chiao J.Y., Blizinsky K.D. Culture-Gene Coevolution of Individualism-Collectivism and the Serotonin Transporter Gene // Proceeding of Royal Society. B. 2009. Vol. 1650. P. 1–10.
- Chiao J., Hariri A., Harada T., Mano Y., Sadato N., Parish T., Iidaka T. Theory and methods in cultural neuroscience // SCAN. 2010. Vol. 5. P. 356–361.
- Chiao J.Y., Immordino-Yang M.H. Modularity and the Cultural Mind: Contributions of Cultural Neuroscience to Cognitive Theory // Perspectives of Psychological Science. 2013. Vol. 8(1). P. 56–61.
- Dehaene S., Brannon E. Space, Time, and Number: a Kantian Research Program // Trends in Cognitive Sciences. 2010. Vol. 14. № 2. P. 517–519.
- Dunbar R.I.M. Darwin and the Ghost of Primes Gage: Neuro-Evolution and the Social Brain // CORTEX. 2009a. Vol. 45. P. 1119–1125.
- Dunbar R.I.M. The Social Brain Hypothesis and its Importance for Social Evolution // Annual Human Biology. 2009b. Vol. 36(5). P. 562–572.
- Emery N.J., Easton A. Introduction: What is Social Cognitive Neuroscience (SCN)? // The Cognitive Neuroscience of Social Behavior. Hove and New York: Psychology press, 2016. P. 1–16.

- Ford B.Q., Dmitrieva J.O., Heller D., Chentsova-Dutton Y., Grossmann I., Tamir M., Uchida Y., Koopmann-Holm B., Floerke V.A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I.B. Culture Shapes Whether the Pursuit of Happiness Predicts Higher or Lower Well-Being // *Journal of Experimental Psychology*. General. 2015. Online publication. URL: <http://dx.doi.org/10.1037/xge0000108> (accessed 18.09.2018).
- Franks D.D. *Neurosociology. The Nexus Between Neuroscience and Social Psychology*. New York, Dordrecht, Heidelberg, London, 2010.
- Franks D.D. Emergence and Reductionism in Sociology and Neuroscience // *Handbook of Neurosociology / Franks D.D., Turner J.H. (eds)*. New York, Dordrecht, Heidelberg, London, 2013. P. 107–118.
- Franks D.D., Turner J.H. (eds). *Handbook of Neurosociology*. N.Y., Dordrecht, Heidelberg, L., 2013.
- Gallistel C.R., Gelman R. Preverbal and Verbal Counting and Computation // *Cognition*. 1992. Vol. 44. P. 43–74.
- Han S., Ma Y. Cultural differences in human brain activity: a quantitative meta-analysis // *NeuroImage*. 2014. Vol. 99. P. 293–300.
- Hatemi P.K., Smith K., Alford J.R., Martin N.G., Hibbing J.R. The Gene and Environment Foundations of Political Psychology // *Twin Research and Human Genetics*. 2015. Vol. 18. № 3. P. 243–255.
- Jost J.T., Amodio D.M. Political Ideology as Motivated Social Cognition: Behavioral and Neuroscientific Evidence // *Motivation and Emotion*. 2012. Vol. 36. P. 55–64.
- Kanai R., Feilden T., Firth C., Rees G. Political Orientations are Correlated with Brain Structure in Young Adults // *Current Biology*. 2011. Vol. 21(8). P. 677–680.
- Kim H.S., Sasaki J.Y. Cultural Neuroscience: Biology of the Mind in Cultural Contexts // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65. P. 487–514.
- Kiser D., Steemers B., Branchi I., Homberg J.R. The Reciprocal Interaction between Serotonin and Social Behavior // *Neuroscience Biobehavior Review*. 2012. Vol. 36(2). P. 786–798.
- Lakoff G. *Neural Social Science // Handbook of Neurosociology / Franks D.D., Turner J.H. (Eds)*. New York, Dordrecht, Heidelberg, London, 2013. P. 9–26.
- Nail P.R., McGregor I. Threat Causes Liberals to Think Like Conservatives // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2009. Vol. 45. P. 901–907.
- Norman G.J., Hawkey L.C., Luhmann M., Cacioppo J.T., Berntson G.G. Social Neuroscience and the Modern Synthesis of Social and Biological Levels of Analysis // *Handbook of Neurosociology / Franks D.D., Turner J.H. (eds)*. New York, Dordrecht, Heidelberg, London, 2013. P. 67–82.
- Sfera A., Osorio C. Thinking Pattern East and West // *SOJ Psychology*. 2014. Vol. 1 (4). P. 1–2.
- Soroka S., MacAdams S. News, Politics, and Negativity // *Political Communication*. 2015. Vol. 32. P. 1–22.
- Raine A. From Genes to Brain to Antisocial Behavior // *Current Directions in Psychological Science*. 2008. Vol. 17. № 4. P. 5323–5328.
- World Happiness Report / Helliwell J., Layard R., Sachs J. (eds). UN, 2016.

Статья поступила: 29.09.16. Принята к печати: 07.10.16.

THE IDEA OF NEUROSOCIOLOGY IN CONTEMPORARY SOCIAL THOUGHT

BAZHANOV V.A.

Ulyanovsk State University, Russia

Valentin A. BAZHANOV, Dr. Sci. (Philosophy), Ulyanovsk State University, Head of Department of Philosophy, Sociology and Political Science Chairperson, Leading Researcher, Tomsk State University, Ulyanovsk, Russia (vbazhanov@yandex.ru)

Acknowledgements: Supported by RHSF, grant № 16-03-00117a.

Abstract. The paper has the goal to argument that the intensive development during last decades of cognitive researches and neuroscience (especially historico-cultural neuroscience) resulted in the formation of neurosociology. Neurosociology as a branch of social science in fact follows the Kantian research program in its progressive mode. This means that the analysis of the mechanisms of development and features of different societies and socio-cultural structures under certain conditions should necessary consider the profound and direct impact (and/or correlation with) of certain neural structures traits, which in their turn are transformed according to the socio-cultural features of various societies and certain culturally autonomous social groups. Thus, due to the spirit (but not the letter) of the Kantian a priori idea social cognition to a certain extent depends of preset features (ontogenetic and/or formed by the current activity) retrofit neurobiological structures. This tendency reflects once again emerging naturalistic approach in contemporary social thought. We introduce the notion of social psychologism, which summarizes the cognitive aspects defined by epigenetic features of certain social communities.

Keywords: neuroscience, neurosociology, research program, individualist and collectivist society, tightness and loosely organized societies

Received: 29.09.16. Accepted: 07.10.16.